выстраиванию информационно-коммуникативных связей муниципальной власти и населения.

С учетом наработанных схем органов местного самоуправления по выстраиванию информационно-коммуникативных связей с обществом, накопленного практического опыта крайне важно создание проекта концепции информационной политики органов местного самоуправления и реальные пути ее реализации на практике. Думается, что имеющаяся правовая база и практика выстраивания информационно-коммуникативных связей органов местного самоуправления и населения создают благоприятные условия для решения поставленных задач.

Список литературы

Федеральный закон «О средствах массовой информации в Российской Федерации» // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета Российской Федерации. – 1992. – № 7. – Ст. 300.

Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 31 (Ч. 1). – Ст. 3448.

Федеральный закон «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2009. – № 7. – Ст. 776.

Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации // Российская газета. – 2008. – 16 февр.

Шевченко, А.В. Информационно-коммуникативный потенциал сопровождения реформ в Российской Федерации // Информация и коммуникация стратегии социальных реформ : сб. научных статей ; под общ. ред. В.Д. Попова. – М., 2006.

© Антипова В.Г., 2010

А.С. Безмолитвенный

ВОПРОСЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В АКАДЕМИЧЕСКОЙ СРЕДЕ

БЕЗМОЛИТВЕННЫЙ Антон Сергеевич – соискатель ученой степени кандидата философских наук кафедры социальной философии философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (e-mail: organize@list.ru)

Аннотация. *В статье анализируется тенденция проникновения элементов частно-собственнической бизнес-этики в академическую среду и делается вывод о необходимости сохранения собственной этической парадигмы академического сообщества, доказавшей свою плодотворность.*

Ключевые слова: *интеллектуальная собственность, бизнес-этика, академическая среда, плагиат.*

Вокруг интеллектуальной собственности в современном мире складывается весьма своеобразная ситуация: можно с уверенностью констатировать наличие двух трактовок в интерпретации этого понятия.

1. Свойственная бизнесу традиция отношения к интеллектуальной собственности.

С одной стороны, в бизнес-среде сегодня набирает силу лоббируемая крупными игроками мультимедийного рынка парадигма, которую, пожалуй, можно назвать информационной реинкарнацией «эпохи огораживаний» – парадигма превращения любой идеи в чью-то частную собственность с последующим отслеживанием всех фактов «нелегитимного» использования (которым, в том числе, является тривиальное ознакомление) и применением жестких санкций, реализуемых посредством аппарата государственного принуждения. В обществе нарастает стихийный протест против такой жесткой регламентации правил использования интеллектуальной собственности, выражающийся в «скрытом сопротивлении» масс, а в некоторых случаях – в открыто заявляемых требованиях изменить законодательство, никогда не выносившееся на обсуждение широкой общественности.

Бизнес-традиция отношения к интеллектуальной собственности – это традиция «нет земли без господина», спроецированная на сферу авторских прав. В рамках данного подхода ситуация, при которой любой желающий получает свободный (бесплатный) доступ к запатентованной продукции (например, музыкальной композиции) без ведома правообладателя, считается «воровством». Задача людей, занимающихся интеллектуальным производством под сенью бизнес-парадигмы, сделать так, чтобы как можно большее число людей приобретало их продукцию и при этом создать такие условия хранения информации, которые исключали бы ее копирование и дальнейшее использование ими в своих целях (в частности, распространение). Идеальной с этой точки зрения является ситуация, при которой только покупатель мог бы просмотреть купленный фильм и сделать это такое количество раз, которое прописано в контракте купли-продажи. Передача купленного DVD-диска «другу на просмотр» уже является сомнительным с точки зрения поборников закона об интеллектуальной собственности деянием: именно потому, что доступ к объекту интеллектуальной собственности предоставляется в данном случае не правообладателем, а человеком, купившим у него продукт, но не купившим право на распространение этого продукта. Такой подход порождает странную ситуацию,

при которой подавляющее большинство населения регулярно (и вынужденно) нарушают закон. Возникает вопрос: если законодательство так резко расходится с реальной жизненной практикой, почему оно существует в такой форме, с каждой новой редакцией вводя все более жесткие санкции?

Ответ достаточно очевиден: потому что именно такая форма закона соответствует парадигме крупного бизнеса и, более того, способствует процветанию отдельных его отраслей (издательского – в широком смысле этого слова – бизнеса) В некотором смысле такую позицию можно понять. Действительно, пришествие Интернета как средства коммуникации, обеспечивающего мгновенный бесплатный обмен любой информацией, в определенном смысле «подорвало» позиции гигантов звукозаписывающей *(major labels)* и киноиндустрии, снижение количества продаваемых дисков[1]. Но разве государство должно поддерживать тот или иной вид бизнеса в ущерб всему остальному? Разве его задача заключается в том, чтобы ограждать от потерь крупных игроков на рынке посредством законодательства и правоприменительной практики, способной принести ущерб обществу в целом?

Лоуренс Лессиг – человек, возглавляющий крупнейшие на текущий момент некоммерческие организации за права пользователей в сфере интеллектуальной собственности[2], в фундаментальном труде «Свободная культура» подробно анализирует сложившуюся вокруг авторских прав ситуацию и приходит к выводу, что в существующем виде законодательство сдерживает прогресс и ограничивает свободу каждого в интересах роста прибылей представителей крупного бизнеса. «Западный мир – в критической точке истории. На наших глазах терпит поражение то, что строилось две тысячи лет, – открытое общество, и торжествует закрытое, разрушаются интеллектуальные сообщества, причем враг взял на вооружение риторику нашего прошлого – риторику свободы»[3].

---

[1] Снижение продаж объясняется влиянием онлайнового и оффлайнового пиратства, а также конкуренцией с другими продуктами индустрии развлечений. Обращает на себя внимание тот факт, что сокращение продаж совпадает с созданием нашумевшего интернет-сайта обмена музыкой Napster (вторая половина 1999 г.) и внедрением файлообменных технологий (вторая половина 2001 г.). См.: *Ильин, В.* Информационная контрреволюция // Предисловие к русскому изданию «Свободной культуры» Л. Лессига. – М., 2007. – С. 443.

[2] Фонд свободного ПО *(Free Software Foundation, FSF)*; Фонд электронного рубежа *(Electronic Frontier Foundation, EFF)*, Гарвардский Беркман-центр изучения интернета и общества *(Berkman Center for Internet and Society at the Harvard Law Schoo)*), Копифайт *(Copyfight).* См.: *Евсевичев, В.И., Налетов, И.З.* Концепция «третьего мира» в гносеологии Карла Поппера // Вопросы философии. – 1974. – № 10. – С. 22.

[3] *Лессиг, Л.* Свободная культура. – М., 2007. – С. 3.

Лессиг не одинок в такой оценке происходящего: ему вторит целый хор голосов так называемых критиков копирайта*. Представляется целесообразным проанализировать их аргументы и выяснить – действительно ли все так драматично, и есть ли альтернативы изложенному положению вещей.

Первый аргумент «критиков копирайта» может быть условно назван «прецедентным». Он заключается в том, что на протяжении всей истории становления западного общества люди «*всегда относились к правам на интеллектуальную собственность иначе, нежели к правам других собственников*»[1].

То есть, по мнению Л. Лессига, воплощенная в существующем законодательстве бизнес-интерпретация понятия «интеллектуальная собственность» приводит не к стимулированию авторов, а наоборот, к демотивации авторов и ухудшению состояния культуры в целом. Авторы без штата юристов уже не могут быть уверены, нарушают они чьи-то права или нет, и в некоторых случаях, наученные горьким опытом, предпочитают не рисковать. К сходному заключению приходит и А. Долгин: в книге «Экономика символического обмена» он констатирует бесспорно наличествующую тенденцию «ухудшающего отбора в культуре»[2]. С его точки зрения, происходит это потому, что имплицитно используемая по аналогии с материальными ценностями денежная модель оценки художественного произведения или научного достижения не является адекватной: деньги на рынке культуры не являются на текущий момент релевантным мерилом ценности произведения. Это является препятствием на пути нормального функционирования такой модели рынка интеллектуальной собственности, которая основывается на прямых заимствованиях из практики вещественного (материального) рынка.

По мнению другого видного исследователя вопросов авторского права, председателя общества *Creative Commons* Дж. Бойла, бизнес-подход к интерпретации интеллектуальной собственности опасен тем, что «размывает границы между открытыми и закрытыми системами, превращая все открытые системы в закрытые»[3]. Открытые системы основаны на добровольном сотрудничестве, имеют потенциал к развитию и самосовершенствованию. Закрытые – основаны на недоверии, сокрытии информации и тяготеют к конкурентным играм. Типичным примером описанной трансформации является Интернет, который «изначально задумывался как среда для обмена научной информацией и постепенно превратился в место,

---

* В данном контексте этим выражением обозначается общая критика бизнес-парадигмы интерпретации понятия «интеллектуальная собственность».

[1] *Лессиг, Л.* Свободная культура. – С. 129.

[2] *Долгин, А.* Экономика символического обмена. – М., 2006. – С. 63.

[3] *Boyle, J.* The Public Domain. – London, 2008. – P. 187.

гораздо лучше подходящее для покупок чего угодно, начиная от обуви и заканчивая порнографией»[1].

Дж. Бойл и Дж.П. Барлоу также поддерживают «прецедентную линию аргументации» Лессига, ссылаясь на принципы свободы и равноправия, открыто заявленные еще в письме Томаса Джефферсона[2], и указывают, что изначальная модель, предложенная отцами-основателями американской конституции, учитывала невещественную природу интеллектуальной собственности.

Из «прецедентного» аргумента непосредственно вытекает второй аргумент – его можно назвать онтологическим.

Существует действительное – не мнимое – отличие законов, управляющих информационным обменом, от законов обмена материальными вещами. От обмена идеи не оскудевают и не исчезают.

Бизнес-интерпретация понятия «интеллектуальная собственность» пытается нивелировать эту разницу, выстраивая законодательство в области авторских прав по образу и подобию законодательства, регламентирующего обмен вещами (товарами).

На анализе системных последствий вроде бы самоочевидного факта онтологического различия построен третий аргумент «критиков копирайта» – наличие внутренних противоречий и неустойчивости толкования основных понятий в системе права, порождаемых законом об авторских правах. Фактически не всегда понятно, что именно имеют в виду, когда говорят об ущербе и правонарушениях в сфере интеллектуальной собственности, если правообладатель по факту ничего материального не потерял, а в некотором смысле даже кое-что приобрел: бесплатную рекламу своей продукции.

На законодательном уровне четко разделяется плагиат (как форма присвоения символической интеллектуальной собственности) и «незаконное использование объектов авторского права» (как форма «коммерческого ущемления» правообладателя)*.

1. «Плагиат» – явление, при котором осуществляется попытка подделать (или оспорить) «право подписи» первооткрывателя или автора под каким-либо интеллектуальным продуктом или открытием (это случай нарушения символического авторского права).

2. «Контрафакт» – явление, при котором «право подписи» под сомнение не ставится, но нарушается монополия правообладателя (исключительное право копировать и использовать в своих целях, в частности, распространять) на интеллектуальную собственность. Право, которое, с точки зрения противников копирайта, позволяет в некоторых случаях осущест-

---

[1] *Boyle, J.* The Public Domain. – P. 57.

[2] Ibid. – P. 21.

* Вступившая в силу с 1 января 2008 г. ст. 146 Уголовного кодекса Российской Федерации «Нарушение авторских и смежных прав».

влять контроль над процессом и характером этого распространения, т. е. провоцирует случаи вмешательства в частную жизнь потребителей.

Исходя из проведенного различия, правообладатель в случае нелегального копирования лишается только монопольного права на контроль за распространением объекта интеллектуальной собственности[1]. Монополия, как известно, практически во всех остальных сферах права рассматривается как зло, сдерживающее развитие рыночных отношений. Почему же именно в сфере интеллектуальной собственности оно расценивается как благо?

И наконец, четвертый аргумент «критиков копирайта»: закон об авторском праве не защищает самих авторов. Он защищает правообладателей – людей, которые, как правило, не имеют к процессу создания произведения никакого отношения. Автор в большинстве случаев получает лишь незначительный процент (в среднем 7–15%) и переуступает все права на получение прибыли лейбл-мейджору, с которым заключает контракт[2]. То есть фактически авторское право приводит многих творцов к «авторскому бесправию».

Для того чтобы судить, насколько валидны аргументы «критиков копирайта», необходимо рассмотреть возможную альтернативу представленной традиции.

Альтернатива есть, причем значительно более древняя и фундаментальная.

2. Академическая традиция отношения к интеллектуальной собственности.

С первых дней становления науки западного типа (пожалуй, даже раньше – с трудов Платона) существует альтернативная традиция отношения к интеллектуальной собственности: академическая среда, в противоположность бизнесу, характеризуется изначальной установкой на этику «свободного обмена» идеями; этику, которая с полным основанием может считаться фактором, определившим расцвет западной цивилизации. Именно благодаря свободной пролиферации идей, невозможной в ситуации, когда любая теоретическая разработка является чьей-то частной собственностью и требует денег для доступа к ней, академическая наука шагнула так далеко вперед. Целесообразно подробнее рассмотреть истоки и причину этого явления.

В академической традиции аналог «интеллектуальной собственности», фиксирующий факт принадлежности открытия или теории тому или иному ученому, устанавливается посредством свободного предоставления всем желающим информации об этом открытии.

Специфика интеллектуальной собственности в академической среде состоит в том, что социальный «доход» ученого принимает форму призна-

[1] *Garrett, H.* The Tragedy of the Commons // Science. – 1968. – N 162. – P. 540.

[2] См.: *Долгин, А.* Экономика символического обмена. – С. 430.

ния со стороны коллег, образующего накапливающийся символический капитал научной репутации. Действительно, только когда ученый делает свою работу публичной и общедоступной (например, в форме опубликованных статей, монографий и книг), он получают гарантированное академической традицией право символической интеллектуальной собственности – его имя начинают цитировать другие ученые, тем самым надежно ассоциируя его с разрабатываемой тематикой. Можно сказать, что символический капитал ученого пропорционален его вкладу в «третий мир» Карла Поппера[1].

Таким образом, ключевым элементом, определяющим дух и структуру построения академической науки, является положение вещей, которое Бернард Барбер обозначил термином «коммунальность» *("communality")*[2]. Ученые имеют возможность черпать из общего источника накопленного их предшественниками знания. При этом источник не исчерпывается за счет интенсивного использования его членами научного коллектива – эффект «коммунальности» в научном сообществе таков, что общий фонд знания только увеличивается. В отличие от материальных объектов, которые подвержены расхищению вследствие индивидуально рациональной, но коллективно иррациональной эксплуатации (то, что Х. Гаррет охарактеризовал как «трагедию общин»[3]), символическая интеллектуальная собственность только укрепляется и становится по-настоящему значимой при интенсивном использовании.

Основным фактором, стимулирующим деятельность ученого в академическом сообществе, является признание коллегами. Это универсальная форма награды в науке, все остальные виды вознаграждения (такие, как продвижение ученого по карьерной лестнице, увеличение доступа к материальным ресурсам и т. д.) следуют из нее. Но очевидно, что признание может быть всеобщим только тогда, когда работа ученого широко известна в научном сообществе. Вместе с внутренней мотивацией, возникающей благодаря формулированию и разрешению интересных научных проблем, данная система «референциального вознаграждения» является для исследователя стимулом к научной работе.

В академическом сообществе разработана система символической мотивации, построенная по этому принципу: система ссылок и основанная на ней система индекса цитирования. Каждая ссылка, промелькнувшая в исследованиях коллег, каждая цитата труда некоторого ученого, которому они обязаны, вновь подтверждают право его символической интеллектуальной собственности. Это задает образцы «легитимного использования» в науке в противоположность образцам незаконного при-

---

[1] См.: *Евсевичев, В.И., Налетов, И.З.* Концепция «третьего мира» в гносеологии Карла Поппера. – С. 130.

[2] *Bernard, B.* Science and Social Order. – N.Y., 1952. – P. 130.

[3] *Garrett, H.* The Tragedy of the Commons. – P. 1243.

своения (плагиата) и одновременно является формой мотивации и поощрения.

Крупнейший исследователь социологии науки Р. Мертон в работе «Эффект Матфея в науке. II. Кумулятивное преимущество и символизм интеллектуальной собственности» отмечает: «…мы начинаем видеть, что институциализированная практика цитирования и ссылок… это ключевой элемент системы вознаграждения и стимулирования, способствующий развитию научного знания»[1].

Ссылки и сноски в научном труде – вещь необычайно важная, они выполняют два типа функций: инструментально-когнитивные и институционально-символические. Первые указывают читателю на источники знания, которые инкорпорированы в чью-то научную работу. Вторые, пожалуй, еще более важны: они поддерживают интеллектуальные традиции символической интеллектуальной собственности: тем, что регистрируют в пополняющихся научных архивах право интеллектуальной собственности автора представленной работы. «Интеллектуальная собственность в сфере науки, имеющая форму коллегиального признания, …обеспечивает открытую передачу его результатов в общий фонд науки, доступный всем, кто желает им воспользоваться…»[2]

В силу ужесточения законов об интеллектуальной собственности в последнее время обретает силу настораживающая тенденция проникновения элементов «огораживающей» бизнес-этики в научную среду. Возрождение этой тенденции к секретности, порождающее то, что Генри Этковиц назвал «предпринимательской наукой»[3], в случае ее дальнейшего развития и распространения может привести к фундаментальным изменениям в институциональном и когнитивном характере науки. На горизонте маячит ситуация, при которой за доступ к имеющим хоть какую-то ценность знаниям ученые (и университеты) вынуждены будут платить правообладателям.

Что принесет с собой переход академического сообщества к идеалам «предпринимательской науки»?

Патенты на технологии, ознакомление с которыми невозможно или сильно затруднено для человека, движимого научным интересом. Сокрытие и шифрование «исходного кода», делающего почти безнадежными все попытки дополнить разработки предшественников чем-то своим и вынуждающее новые поколения программистов постоянно «изобретать велоси-

---

[1] *Merton, R.* The Matthew Effect in Science, II. Cumulative Advantage and the Symbolism of Intellectual Property // ISIS. – 1988. – N 79. – P. 615.

[2] Ibid. – P. 617.

[3] *Etkowitz, H.* Entrepreneurial Scientists and Entrepreneurial Universities in American Academic Science // Minerva. – 1983. – N 21. – P. 199.

пед». И т. д. Опасность разрастания этого явления заключается в том, что постепенно все потенциально могущие приносить прибыль разработки будут скрываться, что приведет к значительному оскудению фонда научных знаний и сокращению количества новых разработок и перспективных теорий. Это явление в еще большей степени усугубит сверхспециализацию и изоляцию отдельных научных институтов, обострит болезненные процессы, которые уже сегодня вызывают у научного сообщества беспокойство.

Вытеснение идеалов символической интеллектуальной собственности в академической среде идеалами «предпринимательской науки» размоет фактор коллегиального признания – социальный фундамент, установку, мотивирующую сегодня ученых на исследовательскую деятельность.

Бизнес-среда опирается на представление о том, что информационное пространство – это закрытая система, где каждый шаг, каждая попытка распорядиться интеллектуальным продуктом должна быть согласована (посредством покупки) с правообладателем.

Академическая среда, руководствующаяся идеалами этики науки, базируется на подходе к информационному пространству как к открытой системе, в которой не только возможна, но и приветствуется пролиферация идей и открытые заимствования (использования) – в том случае, если символическая интеллектуальная собственность автора/первооткрывателя не будет ставиться под сомнение, а будет утверждаться и укрепляться в ссылках, цитатах и упоминаниях в последующих работах.

Думается, сегодня есть существенные основания задуматься о необходимости сохранения доказавшей свою плодотворность социально-этической парадигмы интеллектуальной собственности, свойственной академическому сообществу.

Список литературы

Уголовный кодекс Российской Федерации. – М., 2009. – Ст. 146. «Нарушение авторских и смежных прав».

Долгин, А. Экономика символического обмена. – М., 2006.

Лессиг, Л. Свободная культура. – М., 2007.

Bernard, B. Science and Social Order. – N.Y., 1952.

Boyle, J. The Public Domain. – London, 2008.

Merton, R. The Sociology of Sciens: Theoretical and Empirical Investigation. – Chicago; London, 1973.

© Безмолитвенный А.С., 2010